

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А65

Компьютерный дизайн обложки
Чаругиной Анастасии

Андреева, Наталья.

А65 Я садовником родился : [роман] / Наталья Андреева. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 416 с. — (Бестселлеры Натальи Андреевой).

ISBN 978-5-17-101883-2

Он родился гениальным флористом. Его букеты достойны были бы первых призов на международных конкурсах. Так же как и загадка, которую он, Садовник, задал идущим по следу сыщикам, достойна того, чтобы войти в анналы криминалистики: почему имена убитых им женщин напоминают названия цветов? Лилия, Маргарита, Роза... Смертельный букет, даже босые ноги убитой девушки опущены в лужу, словно это стебли срезанных растений. А еще в руках у всех женщин, когда их убивали, были пакеты с репродукцией известной картины Ван Гога «Подсолнухи». Так кто ты, Садовник?

Маньяк или жертва рокового стечения обстоятельств? Алексей Леонидов в запале даже поспорил со своим лучшим другом. И оказался и прав, и не прав. Потому что убийца, которого Алексей так долго искал, и впрямь оказался особенным.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101883-2

© Андреева Н., 2017

© ООО «Издательство АСТ»

Не на шутку рассердился

Алексей Леонидов проснулся в это утро со светлым чувством в душе: выходной. Сладко потянулся, глянул в окно, отметил грозные ряды туч, выстраивающихся для парадного марша под аккомпанемент свистящего ледяного ветра, и натянул до самого носа одеяло. Удовлетворенно вздохнул и прислушался. Раздался плач маленькой дочки. Потом девятилетний Сережа плюхнулся рядом с отцом на диван и стал расставлять на шахматной доске крохотные фигурки, утяжеленные магнитами:

— Сыграем?

И, усевшись поудобнее, сделал первый ход.

Леонидов рассеянно передвинул в ответ черную пешку. Жена Александра мелькнула в комнате, перебросила мужнины джинсы с пола на кресло, швырнула в отца семейства грязным носком, мол, трудно, что ли, в ванную отнести, взяла чистые детские колготки с гладильной доски и походя обронила:

— Один в тренировочных штанах на чистое белье лезет, другой вообще не знает, где у него лежат эти самые штаны.

— Где? — лениво спросил Леонидов и зевнул: выходной.

— Я вам всем не нянька. У меня маленький ребенок голодный, — и Александра исчезла, а плач девочки вскоре затих. «Где ты, любовь?» — подумал Леонидов и подмигнул Сережке: мама сердится, бывает.

Потом отец семейства нехотя поднялся, нашел все-таки спортивные штаны под ворохом женских и детских тряпок и побрел на кухню за утренней чашкой кофе. Маленькая Ксюша приоткрыла рот при виде папы, который был в ее жизни явлением редким: уходил, когда она еще спала, приходил, когда уже спала. Александра воспользовалась моментом и сунула девочке в рот полную ложку каши. Ксюша задумчиво сглотнула.

— У-тю-тю, — сказал ей Леонидов, пальцами левой руки сделав козу. И девочка совершенно неожиданно заревела.

«Выходной», — грустно подумал Леонидов.

— Ребенок совсем не знает папу, — констатировала Александра, успокаивая плачущую дочку.

— Я работаю, — заметил он.

— Но сегодня у тебя выходной, — внимательно посмотрела на него жена.

— И что? — сразу насторожился Алексей.

— Пойди, погуляй с ребенком.

— С одним? — уточнил он.

— Леша, будь человеком! У тебя работа, но и я тоже устаю. За Ксюшкой нужен глаз да глаз, она всякую чепуху в рот тащит и забирается на все, на что только можно забраться. Вчера (представляешь!) выдвинула лесенкой ящики платяного шкафа и по ним добралась до самого верха!

— Скалолазка ты моя, — умилился Леонидов, с гордостью посмотрев на дочку. — Умница.

— Вот и пойди, покатай эту умницу в коляске вокруг дома. А я пока сделаю в доме уборку, и, может быть, успею сходить в магазин. Одна.

Выволакивая через полчаса из подъезда прогулочную коляску, Алексей на этот раз тоскливо подумал: «Выходной». А это значит, надо выполнять свои отцовские обязанности. Погода на улице к прогулкам не слишком-то располагала. В самом начале февраля, когда всюю положено трещать морозам, вдруг все растаяло, и с крыш посыпалась такая звонкая капель, какая бывает только в марте. Но это был не март, а все еще февраль, и ветер дул такой холодный и сильный, что Леонидов застегнул куртку до самого верха и пожалел, что надел под нее лишь тонкий свитерок. Коляску с девочкой Алексей развернул против ве-

тра и поволок за собой, продвигаясь вперед медленными шагами.

«Сейчас хорошо дома, перед телевизором, с бутылкой пива и тарелкой наваристого домашнего борща. Ах! — невольно вздохнул он. — И поспать бы днем пару часиков тоже хорошо. Но, с другой стороны, Сашку тоже можно понять. Двое детей, один учится во втором классе, девочке только год и три месяца. Мужа целыми днями нет дома. Коммерческий директор крупной фирмы, тут уж ничего не поделаешь. Жена, конечно, все понимает, но устала. Чувствуется, что она устала. И еще погода эта ужасная! Бр-р-р!» — Леонидов поежился и нагнулся к дочке, поправить сбившуюся шапочку.

В это время проехавшая мимо машина окатила его грязной жижей из растаявшего снега. Леонидов успел только коляску собой прикрыть. Но разозлился он здорово. Поэтому когда красный «Опель Вектра» затормозил у соседнего подъезда, Леонидов решительно толкнул коляску туда. Шофер «Опеля» долго пристраивал на руль противоугонный «костыль», и Алексей успел.

— Эй, мужик! — негромко окликнул он, едва сдерживая ярость.

Тот обернулся. Алексей даже рот открыл от удивления. «Колоритная личность!» — подумал он. Его обидчик был наголо обрит, но с черной бородкой-кли-

нышком, похожей на жирную кляксу, без шапки, в расстегнутом драповом пальто песочного цвета, из-под которого виднелись пестрая шелковая рубашка и толстая витая золотая цепь на голой шее. Но главное это его руки. Ухоженные, в причудливых кольцах с огромными полудрагоценными камнями попеременно с тонкими серебряными колечками, отполированные ногти с маникюром.

— Да, мужик! — озадаченно выдохнул Леонидов.

И вдруг услышал:

— Леха! Леонидов! Ты, что ли?

«Где бы я мог его видеть?» — подумал Алексей. И пожал плечами:

— Извините, — забыв, что сам хотел потребовать от мужика извинений.

— Да ты как здесь? Не узнаешь? Эх ты, не узнаешь! А как я тебя в десятом классе сделал на последней стометровке? На городских соревнованиях, а? Помнишь?

Обидных поражений Леонидов никогда не забывал. Он бежал тогда первым и до сих пор не мог сообразить, как его сумел догнать неожиданно выскочивший из-за спины Колька Лейкин. Никогда не был ему серьезным соперником, а тут вдруг прорезало. Что ж, у каждого в жизни бывает звездный час.

— Лейкин? Ты, что ли? — Леонидов с сомнением посмотрел на обритую голову

бывшего одноклассника. Колоритный образ. И весьма. Неужели бандитом «работает»? Лейкин?!

— Я. Как жизнь? — подмигнул тот.

— Нормально.

— Здорово ты располнел! С трудом признал.

— Да и ты, знаешь, изменился. Слушай, а у тебя все в порядке? — не выдержал Леонидов, внимательно рассматривая Колькин маникюр.

— Чего? — удивился тот. — Ах, руки. Привычка. Я же по образованию флорист.

— Кто?!

— Флорист. Это которые букеты составляют. Руки все время на виду. Вот и хожу раз в неделю к мастеру по маникюру. Не составлять же композицию из нежных, прекрасных цветов, имея обломанные ногти, а под ними грязь?

— И на букетиках ты так ... — Леонидов хотел сказать «разбогател», но только кивнул на дорогую машину. Но Лейкин понял:

— Не. Я сам этим редко уже занимаюсь. У меня фирма. Цветами торгую. Несколько павильонов по Москве.

— А сюда какими судьбами?

— Продавщица у меня приболела. Вот, заехал узнать, когда на работу выйдет, фруктов привез, — Лейкин слегка потрянул полиэтиленовым пакетом с ярким рисунком, который держал в руке: — Витамины.

— У нее телефона, что ли, нет? — удивился Алексей.

— Почему нет? Есть. Просто я привык заботиться о своих девочках. Слушай, а ты-то сам как, а? Я наших редко вижу. Слышал, ты в ментовке работаешь? Опером? И до какого чина дослужился?

— Ушел, — коротко сказал Леонидов. — Два года, как ушел.

— И где теперь?

— Так, — Алексей неопределенно махнул рукой.

Последнее время он привык высказываться о своей должности осторожно. Потому что многие понимали выгодность знакомства с ним и начинали откровенно навязываться. Так можно было и всех друзей растерять, поэтому Леонидов предпочитал о своей работе помалкивать.

— Проблемы, да? — огорчился Лейкин. — Слушай, я тебе телефончик оставлю, ты позвони. Если денег надо, или с работой помочь. Позвони, а?

Леонидов с удивлением взял его визитку. Вот оно, оказывается, как! Не все богатые люди опасаются навязчивости старых знакомых. Он уже хотел рассказать Лейкину и о своей работе, но тот зябко передернул плечами в своем тонком драповом пальто:

— Погода-то, а? Гадость. Пойду. — И нагнул к девочке: — Твоя? Ох ты, какая незабудочка! Глазки-то, а?

У Ксюши и в самом деле были яркие голубые глаза.

— А ты? Женат? — спросил Алексей.

Лейкин замялся и отрицательно покачал головой. Они потоптались друг против друга еще несколько минут. В сущности, разговор между двумя бывшими одноклассниками иссякает быстро. «Как ты? Где? Как жена? Дети? Кого из наших видишь?» И все. Дальше уже «пока-пока» и по разным подъездам.

Когда за Лейкиным закрылась тяжелая дверь, Алексей с досадой на себя пожал плечами. Пустая, ни к чему не обязывающая встреча. Но отчего-то неприятно. Он, Леонидов, был не на высоте. Определенно не на высоте. И, машинально запихнув лейкинскую визитку в карман куртки, Алексей нагнулся и стал стряхивать с брюк капли грязной воды. От Сашки опять попадет! Скажет: изгваздался.

... все цветы мне надоели

Мать всегда ассоциировалась у него с цветком, но никогда с розой. Хотя она часами бродила в саду среди этих самых роз, и что такое мульчирование, прищипка, удобрение и подкормка, он понял раньше, чем начал складывать из слогов слова. Он никак не мог догадаться, какой цветок она ему напоминает? Почерневшая от горя,

увядшая настолько, что засохшие лепестки ее глаз потеряли свой первоначальный цвет, а стройный стебель тела словно надломился, и головка цветка поникла навеки.

Какой она была, когда еще цвела и чувствовала себя нужной и любимой? Нет, он этого не помнил. Отец ушел к другой женщине, когда ему было четыре года. Мать переживала страшно. Он не переносил вида сорванных цветов с того самого дня, как она почувствовала себя мертвой. Все время казалось, что еще немного, и мать умрет по-настоящему. Он целыми днями цеплялся за ее юбку и таскался за ней повсюду: на улицу, где мать перестала пугаться огромных страшных машин, и буквально лезла под колеса, на последний этаж дома, где увядшая женщина стояла подолгу и смотрела вниз из окна, в аптеку, где просила какие-то лекарства. Он не знал, что это за лекарства, чувствовал только, что страшные. И еще крепче цеплялся за ее юбку: не отпускать, ни за что не отпустить!

— Колокольчик ты мой! — всхлипывала мать, заметив его. — Колокольчик! Что ж ты за мной все время ходишь? Отпусти ты меня!

Он не отпустил, зато мать осталась жива. И с головой ушла в любимую работу: мульчирование, прищипка, подкормка. Потом, ранним утром, пока он еще спал,

аккуратно срезала полураспустившиеся розы и везла их на рынок. А он, так и не выучивший впоследствии ни одного иностранного языка, бродил среди осиротевших розовых кустов и бормотал, словно заклинание, с детства ставшее родным: Аламо, Супер Стар, Парфюм де ла Неж, Крейслер Империял, Бель Анж... Слава богу, что он не видел их мертвыми, только исчезнувшими навеки! Милые, чудесные красавицы! У Бель Анж нежно-розовые цветки... С ума сойти!

Он чувствовал, что мать не любит их так же сильно. Иначе в вазах они выглядели бы совсем по-другому. Не одинокими, а в зеленом бархате декоративных листьев и трав, украшенные бриллиантами мелких белоснежных хризантем или гипсофилой. А не то разноцветными полудрагоценными камнями других садовых цветов. Он с раннего детства грезил об этих флористических композициях, но начать сразу с роз не рискнул. Пошел за деревню, насобирал горсть странной травы — кукушкиных слезок. Крохотные сердечки, дрожащие во множестве на тонких волосках-стебельках. И воткнул в них несколько цветков полевой гвоздики. Рваные темно-розовые лепестки сплелись с крохотными сердечками. Он принес букет домой, поставил в глиняную вазу и назвал его «Нежность».

Но нежность вскоре прошла. Когда он стал совсем взрослым и пережил главную в жизни трагедию, то понял, что лучше, чем эти букеты, ничего делать не умеет, а жить чем-то надо. Какой бесполезный теперь дар! И, по-прежнему натываясь повсюду на цветы, он потихоньку начал их ненавидеть. Надоели. Все, кроме...

Я САДОВНИКОМ РОДИЛСЯ

